

ВЕЧЕРНИЙ МИНСК

КОГДА в 1965 году в Театре на Таганке появились спектакли «Десять дней, которые потрясли мир», известный театральный критик А. Анискин в своей статье в журнале «Театр» высказал опасение: «Наперды для актеров на сцене главные трудности и испытания. Тот, кто имеет театр, кино, как склад спектакля. Первая опасность заключается в том, что угаснет пыл, и начнется обычная для наших театров история — все станет разваливаться по кусочкам. На одном энтузиазме искусство создавать нельзя. Нужна строжайшая творческая дисциплина». Доброжелательный к театру критик лишь напоминал о горьком опыте десятих и сотен спектаклей-однодневок, которые поразили и исчезли.

Прошло четырнадцать лет. Свои гастроли в Минске театр открыл спектаклем «Десять дней, которые потрясли мир». И мы поразились свежести исполнения, восхитились прежним энтузиазмом актеров, которые стали старше на четырнадцать лет. Нет, на мостов стремительно перекрутила театральное небо — была открыта новая звезда.

То же самое произошло со спектаклями «Павшие и живые», «Послушайте!». Я выбираю из репертуара театра эти названия вполне сознательно. В основе этих спектаклей не было пьес. Их жанр, по определению театра, — представление. Ни в каком другом театре вне режиссуры Юрия Любимова они были бы не состоялись. В них в полной мере проявились и закрепились эстетика именно этого театра. После них она нашла своих последователей и подражателей по всей стране. В них театр заговорил со зрителем о самом свободном и спорном.

И если эти старые спектакли остались «бодрыми и крепкими», значит потрясение театром, родившимся пятнадцать лет назад, не было связано с переменной модой. Если не расти, не двигаться, не придерживаться провозглашенных тобою же принципов, трудно удержать внимание зрителей. У Театра на Таганке и его спектаклей огромный эмоциональный диапазон. Чем же он создается?

Репертуаром. Режиссурой. Системой характерных для этого театра выразительных средств. Актерами. А что же еще остается? Пожалуй, ничего. Но ведь то же самое есть в распоряжении и других театров. Тогда в чем отличие Театра на Таганке?

Бывая на его спектаклях, наблюдая за его поисками, порожениями, взлетами, за ростом и формированием его актеров, каждый любознательный зритель (в критике, искусстве, литературе, политике, быту, более дружно) проверяет и пересматривает, поправляет и корректирует собственные взгляды на назначение театрального искусства. Театр на Таганке умеет убедить. Умеет замечать. Умеет расстроить.

Многие годы в его репертуар не попадали пьесы, написанные для театра. Театр писал сам с помощью преданных ему людей. Гиперреализм, поэтическое и прозаическое произведение литературы. По новому заучивали в его интерпретации стихи В. Маяковского (спектакль «Послушайте!»), стихи И. Асеева, А. Святлова, А. Тарковского, О. Берггольца, К. Симонова, В. Бергштерна, Б. Слуцкого, П. Гогана, М. Куликовского (спектакль «Павшие и живые»), публицистическая книга американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», проза Валеры Бикова (спектакль «Перекрестки»). Популярны произведения лите-

ратуры заучивали со сцены, и уже одно это обеспечивало особый интерес зрителя.

Все эти годы режиссерский стиль Театра на Таганке определяет индивидуальность его создателя и неизменного творческого вдохновителя Юрия Любимова. Богатейшая режиссерская выдумка, парадоксальность приемов, яркая зрелищность, использование всех элементов театральной культуры — фарса, балагана театра теней,

сочетание цветов, тонов, светотени.

Кстати, палитра художника в большой чести в этом театре. Не в смысле помпезности и многообразия красок — от художника требуется простота и богатство ассоциаций. Достичь многого при минимальных затратах, избежать громоздкости — кажется, именно такая задача ставится перед художниками Таганки. И вот появляются такие выразительные дере-

новения: не роли — никакой звездности. Спектакль создается трудом всех, поэтому в массовых сценах играют все. Да, собственно, вообще в этом театре есть особый взгляд на так называемую «массовку». Здесь массовая сцена — это масса людей. Каждого запомнившего. Вы привыкли, что один актер играет в спектакле одну роль. На Таганке происходит постоянная трансформация в новый образ. Даже в спектак-

Ю. Любимова, при отсутствии героев, происходит «переворот» весь спектакль! Ведь зритель, если даже не много, — это еще не роль, которую надо прожить от начала и до конца. В основе своей театр сохранил и воспитал всех своих актеров. Они не потеряли свои творческие индивидуальности. Это А. Славина, М. Полищук, А. Демидова, Н. Щацкая, Г. Власова, Т. Жукова, В. Сысоев, Б. Хмельницкий, В. Смирнов, Б. Шоловалов, Ф. Антипов, Л. Штейнрайф. По справедливости надо перечисление продолжит, но это значит назвать весь исполнительский состав театра.

Итак, по всем параметрам театр имеет свое неповторимое творческое лицо. В традиционном соотношении — репертуар, режиссура, художник, композитор, актер — все части уравновешены. Но при всем этом искусство Театра на Таганке не может быть искусством, которое принимают все. У него есть свои поклонники и свои противники.

Вниманием таганковцев не обижены. К коллегам-режиссерам привыкли. Но отношение минского зрителя к театру в какой-то мере можно считать родственными. Яркая театральность любимовских спектаклей, примененные им впервые некоторые приемы театральной выразительности, давшие принцип подхода к разговору со зрителем (откровенный, мужественный, чуть ли не бесцеремонный, интерес к современному прозу и желание пережить ее на подмостках — все это характерно сегодня и для минских театров. Не поэтическое представление «Послушайте!» продолжило производственную практику режиссуры Бориса Галаголки и Валерия Ревякина. Один из них остался работать на Таганке и поставил в минском русском театре имени М. Горького на зоре здесь такие, как «Траву» и «Траву». Другой возглавляет коллектив Академического театра имени Янки Купалы. Уроки их учителя не прошли бесследно. Но ученики идут сейчас своим собственным путем.

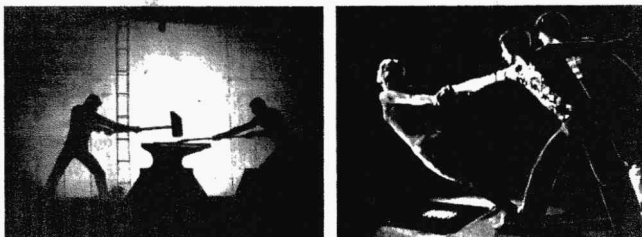
Симпатии к театру не исключают, а наоборот, подталкивают к беспокойству за его судьбу. Он живет на виду у всех, иногда в слишком шумных криках поклонников. Повторю мысль не новую: иногда даже самым хорошим можно «перекормить». Временами не сдерживаешь, особенно в «перекормленных» спектаклях театра («Послушайте!», «Павшие и живые», «Десять дней, которые потрясли мир», «Антимир») возникала мысль: приемы поэтического представления сейчас так широко растесканы, по театрам все страны, что не пора ли от них отказаться? За простотой выразительных средств иногда пропадает смысл текста. Энтузиазм актеров, которые позволяют на пятнадцать лет, то же, наверное, следовало бы осознать. Где оно, молодое поколение театров?

За прошедшие пятнадцать лет «следом за Таганкой» все театры научились будоражить зрителя. Юрий Любимов доказал, что его театр на выдумку неистощим. Пожалуй, соперников у него нет. Вот и сейчас в Минске во время гастролей за квартал до подхода к окружному Дому офицеров звучит слово «Таганка». Актеры во всех спектаклях активно общаются со зрительным залом. Эта контактность — принцип театра. Но разве поможет кому-нибудь любовь изощреннейшее замешивание зрителя, если там, в зале, будет неинтересно! В театре на Таганке всегда интересно...

Татьяна ОРЛОВА.

Театр

ПОХОЖИЙ НА САМОГО СЕБЯ...

Нет, все-таки нельзя передать впечатления от этих встреч привычными сочетаниями вроде «необычайная форма» или «глубина постижения...». Хотя, конечно, так и необычно, и глубоко. Но еще есть особая сущность «изобретения души», которое рождает в стихах «Таганки» актеров и зрителей. Есть настоящая щедрость, с которой люди на сцене делятся своими открытиями с людьми в зале. И есть «жар взаимной любви», рожденный маленьким чудом сотворчества театра со своей публикой...

НА СНИМКАХ: 1. Спектакль «Десять дней, которые потрясли мир» начинается уже на улице, где актеры встречают зрителя. 2. И только потом продолжается на сцене, ставшей «звуковой музницей», где человек призван «откачать самого себя». 3. Зыбком ланитомы — о мучительном рождении жизни новой.

пантомимы, синей блузы», целенаправленное смещение стилей и художественных средств для создания театральных образов — с помощью этих средств создаются яркие фигуры уходящих из нашей жизни человеческих, социальных типов. Не «человеками», а марионетками в сильных руках выглядит Керенский, Гитлер, многочисленные сановники, чиновники, фабриканты, подстрекатели, люди из «бывших», просто «рожи», как написано о них в программе (и вершину, что много определения найти им невозможно). Но, скажем, образы Маяковского, Джона Рида, Чаплина, поэта, увидевшего на фронте, солдата, крестьянина выписаны не на платках или рекламными средствами, а вполне реалистически. Здесь наблюдается психологический тонков-

ая по классическим писателям. За вечер актеры успевают пережить много. Конечно, нагрузка и затраты сил огромные, но и профессиональный тренинг тоже не с чем не сравнить. Наверное, трудно в театральном мире найти более подлинных восприимчивых, податливых, одним словом, профессиональных актеров, чем те, что работают в Театре на Таганке. Они музыкальны и пластичны, хорошо владеют театральными приемами, не менее податливы и психологически глубинны тончайшей русской психикой (об этом свидетельствует не показанный в Минске спектакль «Вшивый сад»).

Многие лет в споре о театре на Таганке подвергалось сомнению индивидуальное актерское дарование. Может ли сохранить себя актер при такой огромной занятости в репертуаре, при такой многогранности проявлений режиссуры